

Черкесский язык как проводник в историю и культуру черкесов

Аслан Бештоев

Черкесы – автохтонный народ Северо-Западного Кавказа. В настоящее время они используют в литературном языке 2 диалекта – Адыгейский (западночеркесский) и Кабардино-Черкесский (восточночеркесский). В обиходе используется около 7 говоров, несколько отличающихся друг от друга.

Главной особенностью черкесского языка является то, что он не имеет нигде в мире других близкородственных языков, кроме абхазского. Есть много попыток доказательства родства языка черкесов с некогда бытовавшим на территории Анатолии языком переднеазиатских хаттов, и касков. В частности швейцарский востоковед Эмиль Форрер и академик Вячеслав Иванов, высказывали уверенность в близком родстве между хаттским языком и некоторыми кавказскими языками – в том числе и черкесским (Иванов, 1985). Архаичность черкесского языка часто ставила в замешательство учёных, знакомившихся с ним, следствием чего стали различные предположения по его генезису. К единому мнению до сих пор они так и не пришли. Несомненно то, что представители народа, говорящие на черкесском языке, смогли создать такой выдающийся памятник мировой культуры, как эпос *Нарты* (Шортанов, 1974), события в котором частично перекликаются с хаттскими мифами. *Нарты* дошли до нашего времени исключительно благодаря устной передаче от поколения к поколению особым сословием в черкесской среде, называемым *джегуако* – неким аналогом скандинавских скальдов. Это особое сословие в традиционном черкесском обществе, сословие модераторов, сочинителей песен и гимнов – благопожеланий, наблюдателей и передатчиков исторических событий, хранителей и декламаторов древнего духовно-этического комплекса черкесов под названием *хабза*, регулировавшем абсолютно все аспекты жизни черкесского общества. Но в силу новых процессов развития, затронувших черкесское общество – в первую очередь религиозных, сословие это начало исчезать к 17 веку и окончательно исчезло к середине 19 века. На смену им пришли простые исполнители, которых по традиции тоже называли этим словом

– но уже не являвшихся ни особым сословием, ни умевшими становиться в полной мере гласом народа. Тем не менее, историческая память народа смогла удержать и донести основные части эпоса до того времени, как тексты были записаны. Первым эти записи сделал Кази Атажукин – природный черкес и потомственный аристократ, получивший хорошее образование для своего времени (Блейх, 2017). Он записал первые тексты эпоса, циклы сказаний о некоторых главных героях. Благодаря ему мы имеем достаточно оригинальные тексты эпического сказания, практически не подвергшиеся лингвистическим изменениям последнего времени. Опираясь на эти тексты, можно говорить о структуре самого черкесского языка.

Сравнение древней структуры языка с современным позволяет нам увидеть, что в первую очередь, сохранение истории и культуры в устном виде через институт *джегуако* позволяло сохранять язык в виде некоего сакрального инструмента. Непосредственно культурная составляющая языка передавалась от поколения к поколению через песни – *уэрэд* и – музыкальные поэмы – *пшыналъэ*. Под эти произведения проводились и ими завершались традиционные богослужения в священных рощах. Сохранились этнографические данные о том, как *джегуако* собирались в определённое время, обычно осенью на лесных полянах, где занимались сочинением новых песен, гимнов и итоговым турниром поэтов и музыкантов (Хан-Гирей, 1978). Отобранные в качестве победителей сочинения затем разучивались всеми участниками этих собраний, которые потом разносили эти произведения во все уголки страны. Местами исполнений произведений были гостевые комнаты – *хачеши*, которые имелись в каждой усадьбе уважающего себя черкеса. При появлении в этой гостевой комнате *джегуако*, оповещались все свободные люди общества, которые собирались в данной усадьбе и устраивали торжество, на котором исполнялись как новые, так и старые песни. За столом произносились благопожелания – гимны, которые также принимались обществом. *джегуако* затем щедро одаривался и ехал дальше, к следующему *хачешу* – гостевой комнате. Подобные собрания и торжества служили своеобразными университетами для молодых черкесов, где они перенимали исторические и культурные знания, обычаи и этикет. Также учились владеть речью, овладевали оборотами языка. Первые публичные выступления им также предоставлялись в этих поме-

щениях, в присутствии старших критиков. Причём совершенствование языка, придания ему ёмкости, краткости и одновременно внутреннего содержания, всячески приветствовалось обществом. В систему воспитания высшей аристократии черкесов – князей и *уорков* – входило также обучение риторике. Хорошее владение языком, избегание бранных слов приравнивалось к одному из главных признаков аристократизма. Свидетельством этому служат многочисленные этнографические данные о различном статусе используемого языка (Бгажноков 1978). В частности, идиома *адыгэбзэ къызжилац* при буквальном переводе звучит как “сказал мне черкесский язык; на черкесском языке”. Но по своему смыслу это означает, что человеку в данном случае был дан ответ по всем нормам и пунктам *хабза*, которые не оставляют ему ни малейшего варианта апелляции.

Несмотря на отсутствие письменности – а возможно и благодаря ей, черкесский язык в ареале своего функционирования обладал довольно сильным ассимилирующим фактором. На черкесский язык переходили постепенно все народы, проживавшие в Черкесии – армяне, евреи, татары, представители многих других народностей. Но к концу 18 – началу 19 века началась одновременно военная и культурная экспансия со стороны Российской империи. Военная экспансия закончилась ликвидацией страны черкесов, культурная экспансия продолжается до сих пор. В частности, представителями российского колониального правительства после нескольких попыток был создан алфавит черкесского языка. Хотя надо сказать, что и самими природными черкесами до этого предпринимались некоторые шаги в этом же направлении. В частности, есть этнографические записи о попытке молодого образованного дворянина Шеретлука Натаука в первой половине 19 века создать алфавит западно-черкесского языка, абадзехский диалект. Как описывал позднее русский историк Попко (1858), после долгих трудов Натаука, когда работа уже была практически завершена, и он уснул тревожным сном, ночью к нему явилось какое-то существо с двумя огненными горящими глазами, в категоричной форме запретившее ему “сковывать цепями букв вольный язык адыгов”. Натаук, якобы под влиянием своего сна, отказался от дальнейших попыток и сжёг свои записи, но скорее всего дело не в ночном духе, а в запрете мусульманского духовенства, усмотревшего в его попытках нарушение монополии на письменность арабской грамматикой в их исполнении. Но легенда,

пусть и в сказочной форме, но всё же частично передала проблему, возникшую при создании черкесской письменности.

До начала 20 века было несколько попыток создания черкесской письменности. Попытки Грацилевского в 1829 году и Шоры Ногмова в 1832, Анчок Хаджибеча в 1846 (АРИГИ 2014) – причём используя разные графические системы – постепенно сложились уже в советское время в нынешнюю форму письменности на основе кириллицы.

К сожалению, кириллический способ звукопередачи не способен в полной мере отразить все существующие звуки и их комбинации и передать их. Для записи некоторых звуков употребляются одновременно до 4 букв. И всё равно за бортом алфавита остались несколько звуков, до сих пор функционирующих в языке. Из-за этого черкесский язык оказался словно бы зажатым в подобие ограничителей, когда произносишь формально один звук, а знаком записываешь близкий к нему же звук, имеющийся в алфавите. И, естественно, по этой причине богатство звукопередачи становится искусственно ограниченным. Например, некоторые наши этнографы, работающие в районах Турции, где проживают черкесы, покинувшие родину в результате истребительной войны 19 века, используют для передачи подобных звуков некоторые знаки и символы латинского алфавита, в частности звук *gxъы* передается как латинская – *h* (Паштова 2015).

Для раскрытия полного потенциала черкесского языка, жизненно необходимо полностью переработать существующую знаковую систему, а затем уже с каждым знаком – символом, работать по законам семиотики. Только в таком случае получится далее приступить к ренессансу черкесского языка, который сейчас медленно, но верно угасает и умирает.

Анализируя черкесские тексты Нартиады, часто обнаруживаешь слова и понятия, смысл которых был утерян уже ко времени их первой записи в конце 19 века. Такие слова как *марыхъу*, *марыбз*, *хъырцъидж* и т. д. уже в советское время переводились по контексту, что кардинально изменяло их значение. Но со временем стали появляться исследователи, которые в силу хорошего природного знания черкесского языка пытались разгадать культурный код черкесского языка, систему словообразования в нём. Одним из них является турецкий филолог,

природный черкес Бер Хикмет, написавший книгу “Структура и работа звуковых систем в черкесском языке” (Хикмет, 2005).

В своей работе Бер Хикмет первым обратил внимание на то, что каждый звук черкесского языка сам по себе имеет определённое значение. При составлении слов эти определённые значения, сплетаясь в своих смыслах, образуют звуковой смысловой ряд. При прибавлении гласных звуков, их значения, переплетаясь, образуют слова единого коренного ряда. Каждый звук при этом работает не только сам по себе, а в различных вариациях передаёт весь комплекс признаков этого значения. Раскрывая эту интереснейшую с точки зрения фонетики задачу, соприкасаясь вообще с системой образования языка как такового.

Отсюда и очень высокий уровень сакрализации черкесского языка даже в обиходе. Очень сложная и интересная тема, требующая отдельного и совершенно нового подхода к осмыслению структуры языка. Наиболее близкое понимание структуры черкесского языка дают нам разработки Алексея Фёдоровича Лосева, написавшего замечательную работу по проблематике знаков и символов (Лосев 1982). Знакомясь с его работой и перенося его аксиомы на поле черкесского языка – намного проще и легче понимать всю безграничную систему связей знаков, символов и смыслов черкесского звукового ряда.

Можно ли говорить о том, что черкесы, не имея письменности, осознавали важность сакрализации в своей повседневной речи? Ведь намного удобнее упрощать язык, выражения, символику. Однозначно можно говорить о том, что здесь некоторая аналогия с латинским языком, где одновременно существовали классическая и вульгарная латынь. При этом вульгарная или народная латынь считалась более древней – в то время как классическая – продуктом образования и развития науки.

При поступательном, естественном развитии черкесского общества постепенно появился и социальный заказ на более возвышенные, утончённые обороты, ставшие некоторыми отличительными признаками для разных групп в обществе. Более того – внутри черкесского языка начинают появляться так называемые подязыки – с разными названиями и разными функциями, используемые в разных ситуациях. Такие понятия как *фэрыщЫбзэ* – язык притворства; *хъуэрыбзэ* – иносказательный язык; *хъуанэбзэ* – ругательный язык; *щакІуэбзэ* – охотничий

язык; *цIагъыбзэ* – тайный язык; – и другие появлялись вместе с развитием общества и расширением сферы используемых разновидностей речи. Как говорилось выше – риторика стала обязательным предметом обучения и молодых аристократов при появлении социального расслоения в обществе. Задачу привития им всего этого умения использовать нужный подъязык в нужном месте выполняли воспитатели – занимающие в обществе высокую планку, уважаемые люди, выбранные отцом ребёнка. И естественно, что молодые люди, получившие соответствующее воспитание, умело применяли в жизни свои навыки. Касалось это и прекрасного пола. Например, из некоторых сохранившихся писем переписки русского царя Ивана Грозного со своей свояченицей, одновременно являющейся в то время женой хана Большой ногайской орды, становятся известны эти самые возвышенные обороты, взятые из черкесского языка же и старательно переданные через русскую грамматику. В частности, не умея сама писать, в своих надиктованных письмах царю, Мальхуруб много раз говорит о выполненных обещаниях непосредственно царя Ивана Грозного, данных им ранее через свою свояченицу (РГАДА). В связи с тем, что обещания, хоть и с опозданием, всё же были выполнены, “её лицо и лица всех”, кто был к этим обещаниям причастен, “снова стали белыми”. Обычный черкесский оборот, говорящий о чистой совести из-за выполнения взятых на себя обязательств или обещаний, тем не менее, создавал определённые трудности в понимании текста. Зная и предвидя, что люди, которые будут читать царю это письмо, могут и не понять некоторых оборотов её речи, Мальхуруб делает приписку с просьбой обязательно прочитав это письмо через содействие её сестры Гуашаней – в крещении Марии. Приписку надо понимать однозначно – Мальхуруб понимала, что только сестра, владеющая такими же тонкостями черкесской риторики, сможет понять полностью её мысль и также добросовестно её передать.

Вообще, необходимо указать и на то, что такое построение речи в первую очередь вызывает к внутреннему “Я” человека, собеседника. Отсюда проистекает и психология общения. Речь становится не просто передатчиком информации, а обычная беседа с гостем становится обрядом. При этом, в речи до сих пор сохранилась игра слов, проистекающая из очень глубокой древности. Например – человек в черкесском языке обозначается словом *цIыху*. Но есть и другое слово,

обозначающее все живые существа и всё, дающее жизнь – *хьэ*. Поселение называется *хьэблэ* – буквально – живущие рядом, совместно сущности, обладающие душой, живые. Подразумевает ли это, что в поселении могут быть и существа живые – но не люди? В Нартском эпосе, иногда герой спрашивает спасаемую девушку выдающейся красоты – к людскому ли роду она относится или к какому-либо другому, например – к *тхаухудам* – аналогам скандинавских валькирий. В человеческом обществе могли находиться люди и нелюди в человеческом обличье. Но их всех нужно принимать как гостей в *хьэццлэц* (кунацкой) – буквально – вместилище новых сущностей. После непосредственно беседы и атрибутирования гостя как человека, он становится *цлыхугъэ* – знакомый, или обладающий человеческими качествами и достоинствами. Но всё это происходит после словесного общения и выяснения истинной природы гостя. И для того, чтобы новая сущность проявила себя тем, кем она есть, существует целый поведенческий комплекс обращения хозяина с гостем.

Последовательному и постепенному возвышению речевого слога не смогло помешать даже прохождение черкесами через ряд мощных внешних идеологий последних двух тысячелетий как-то: зороастризм, христианство, ислам. Взяв некоторые заимствования, из языков этих идеологий и переварив их в себе, черкесский язык продолжил жить своей собственной жизнью – пока не столкнулся уже с непреодолимым препятствием в виде многолетней войны на уничтожение, развязанной Российской империей. После поражения черкесов в этой войне и придания им статуса одного из народов империи, начались процессы по вовлечению их в имперскую бюрократию, а для удобства одного – попытки создания письменности черкесского языка. Без всякого сомнения, эта благая цель обернулась по факту очень серьёзной проблемой.

Вбивание звукового ряда черкесского языка в прокрустово ложе чуждого ему алфавита прервало и исковеркало естественное развитие звукового языка. При закреплении языка в письменном виде уже в советское время и одновременном появлении социального заказа на произведения, где аристократизм и возвышенность речи и поведения объявлялись однозначным злом, в развитии языка произошёл регресс. Уже не было *джегуако*, заботившихся о его чистоте и богатстве, уже не было аристократов, соревнующихся в умении красиво высказаться по обще-

ственным и политическим вопросам – да и самих таких вопросов уже не было. Вследствие этого началась постепенная деградация черкесского языка. Выполняя задание коммунистической партии, искусственно созданная интеллигенция воспе-вала всё простое, приземлённое, обыденное, стараясь делать это максимально упрощённым языком, не замечая, как способствует тому, что самим черкесам уже становится неинтересен их собственный язык. Конечно же, не зная родного языка, писатели и поэты советского периода не смогли бы создавать хоть иногда, в целом неплохие и востребованные произведения. Но каждое новое поколение писателей и поэтов всё более отталкивалось от своего языка. Их произведения становились всё более неинтересными для народа. Закономерным итогом всего этого стало то, что и самих писателей и поэтов, успешно пишущих на родном языке, без государственной поддержки, становится всё меньше и меньше.

Дискуссия и заключения

Что же необходимо предпринять? Необходима полная, развёрнутая работа по всем известным старым данным и вновь открывшимся знаниям по черкесскому языку. При длительном бесписьменном функционировании черкесский язык сконцентрировал в себе невероятно широкий пласт информации по истории и культуре черкесов, а резкий, неестественный переход к письменности, включивший в себя и проход демографической составляющей народа через бутылочное горло геноцида 19 века, дал возможность практически законсервировать в языке все эти данные. Кроме этого – периодически появляются ранее неизвестные документы по истории культуры самих черкесов, позволяющие связывать потерявшие смысловую нагрузку слова с этими данными, восстанавливая тем самым преемственность понятий. В частности – 2 года назад в архиве Русской православной церкви всплыл документ от 1561 года, называемый “Чин отречения от черкасской веры”, в котором подробно расписаны ритуалы и обряды духовной жизни черкесов (Чумичёва, 2016). Документ очень скандальный, поскольку целые поколения историков советской эпохи писали о языческой религии черкесов с целым пантеоном богов, а в итоге оказалось, что это всё очень далеко от реальности, поскольку официальная церковь России признавала за религией черкесов право на отдельную конфессию.

В среде самих черкесов есть осознание проблем, перечисленных выше. Не прекращаются попытки создания алфавита, наиболее удобного для передачи знаковых символов черкесского языка. Некоторые используют для этого латинский алфавит. Некоторые идут дальше и стараются создать алфавит, используя мифо-эпическую графику из черкесской культуры – тамги или общинно – родовые знаки черкесских родов. Руслан Даур создал подобный алфавит (Даур 2011), который был успешно применён для памятной надписи на мемориале в память геноцида черкесов, поставленный в Грузии в городе Анаклия. Есть и другие, более или менее успешные проекты.

Таким образом, шаг за шагом исследуя старые и новые данные черкесского языка, разгадывая заложенные в него загадки и символы, можно без сомнения очень близко подобраться к истокам вообще возникновения языка как такового, исследовать причины его возникновения, подобраться к глубокому историческому пласту языка. Для этого необходимы усилия учёного сообщества, направляющие вектор этих исследований. Иначе черкесский язык может постигнуть участь эпических героев – *нартов*, чьи подвиги и приключения он когда-то так возвышенно воспел.

Литература

- АРИГИ (2014). *Анцокъо Хьаджыбэч*. сост. С.Х. Анчэк. Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева. Майкоп : Магарин О.Г. Бгажноков Б. Х. (1978). *Адыгский этикет*. Нальчик: Эльбрус.
- Блейх Н. О. (2017). Жизненный путь и этапы просветительско-педагогической деятельности К. М. Атажукина (1841–1899 гг.). *Педагогика и просвещение*. № 3. с. 40–57.
- Даур, Р. (2011). Черкесская каллиграфия. Мифоэпические алфавиты (абхазо-адыгская языковая семья). <http://www.ethnic-cinema-country.ru/kg-2/>. Майкоп.
- Иванов, В. В. (1985). Об отношении хаттского языка к северо-западнокавказским. *Древняя Анатолия*. Москва: Наука, с. 26–59.
- Лосев, А. Ф. (1982). *Знак. Символ. Миф*. Труды по языкознанию. Москва: Изд. МГУ.
- Паштова М. (2015). Мифологический нарратив в черкесской диаспоре: сохранность, семантико-прагматический аспект. *Journal of Caucasian Studies (JOCAS)* [Кавказоведческие исследования]. Т.1. №1: 159–181.

- Попко, И. Д. (2009) [1858]. *Черноморские казаки в их гражданском и военном быту*. Москва: Вече.
- РГАДА. Российский государственный архив древних актов (РГАДА): Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 239 об. – 242 об.
- Султан Хан-Гирей. (1978) [1836]. *Записки о Черкесии*. Нальчик: Эльбрус.
- Хикмет Б. (2005). Адыгэбзэ (Макъыбзэ). *KAFDAV İktisadi İşletmesi Yayınları*: 14, Ankara.
- Чумичёва, О. В. (2016). Парадоксы “Черкасской веры”: между исламом, христианством и языческими традициями. *Ритуалы и религиозные практики иноверцев во взаимных представлениях*, отв. ред. С.И. Лучицкая. Москва: ИВИ РАН. с. 178–194.
- Шортанов А. (1974). *Нартский эпос адыгов. (Адыгский героический эпос)*. Москва: Наука.

Термины используемые в работе

- ДЖЕГУАКО (джэгуакIуэ) – особое сословие в среде черкесского общества, профессиональные сочинители и исполнители поэм, песен, сказаний, гимнов – благопожеланий и тостов
- ХАБЗА – морально – этический и духовно-религиозный идеологический комплекс у черкесов
- УЭРЭД – песня; обычно посвящённая героическим или крупным историческим событиям, впоследствии стала просто обозначать исполнение поэтического текста под мелодию
- ХАЧЕШ – гостевая комната в усадьбах черкесов для принятия и размещения гостей
- УОРК – аристократические сословия, делящиеся в свою очередь на несколько классов, вассалы князей со своими же вассалами.
- НАРТЫ – герои народного эпического произведения, мифический народ существ с выдающимися способностями и обладающими часто волшебными свойствами
- ПШЫНАЛЪЭ – поэтическое произведение, часть эпоса, исполняемая по мелодию.
- АБАДЗЕХ – представитель одной из субэтнических групп черкесов.
- МАРЫХЪУ – ныне не используемое слово, ранее обозначавшее крупное холодное оружие наподобие сабли, в настоящее время, вошедшее в словари с изменённым смыслом
- МАРЫБЗ – другой подвид указанного выше оружия
- ХЪЫРЦЫДЖ – старое название кольчуги, ныне обозначает подкольчужник
- ФЭРЫЩЫБЗЭ – язык притворства

ХЪУЭРЫБЗЭ – иносказательный язык

ХЪУАНЭБЗЭ – ругательный язык

ЩАК1УЭБЗЭ – охотничий язык

Щ1АГЪЫБЗЭ – тайный язык

ЦЫХУ – человек

ЦЫХУГЪЭ – человечность

ХБЭ – в настоящее время слово, обозначающее животное – собаку и одновременно знак – ячмень. В архаичном черкесском языке обозначало всякую сущность, наделённую душой или же дающее возможность жизни этой сущности

ХБЭБЛЭ – поселение, квартал

ТХАУХУД – мифическая женщина выдающейся красоты, по некоторым смутным указаниям – представитель одной из мифических народностей, по своему функционалу имеют аналогии с скандинавскими валькириями

Native Languages and Empowerment: Circassian Language as a Source of Indigenous Knowledge and Power

The article discusses the Circassian language as an indispensable resource for accessing the ancient (pre-Islamic, pre-colonial) history, as well as the authentic culture and the systems of knowledge of the Circassian people, which are being erased due to the repression of the linguistic rights of this community. The Circassian language is a unique part of the cultural heritage of the world, and the loss of this language would be a severe blow to the world's linguistic diversity and would significantly impoverish the intellectual heritage of humanity. Given the fact that the Circassian language has undergone very little modernization and has retained its incredibly archaic structure of word formation, in which unit represents a separate concept or even a conceptual series, and the combination of sounds with certain concepts creates a chain of words and phrases interconnected in their archaic root system.

Unfortunately, the modern alphabet of the dialects of the Circassian language, which is based on Cyrillic, is not able to convey and does not transmit the entire sound series. In addition, the grammar of the Circassian language, which was written based primarily on the grammar of the Russian language, and does not reflect the structure of the language and its ability to form new words and concepts. This unnatural formal linguistic structure ceases to be workable and, as a result, the Circassian language itself becomes alien to the Circassians, being perceived by them as something imposed, since it differs greatly from the colloquial speech, the language used in everyday life and in traditional rituals.

The main tool for understanding these linguistic limitations is the Circassian epic cycle *The Nart Sagas*, fragments of which were first recorded by Prince Kazi Atazhukin in the 19th century. In the first half of the 20th century, already in the Soviet period, several dozens of ethnographic expeditions were organized to explore the settlements of historical Circassia; and they were able to record and bring to us a vast amount of material that was orally transmitted over thousands of years. At the moment we have 7 volumes of the Nart sagas, recorded and collected by Soviet ethnographers.

The detailed analysis of these texts reveals several historical milestones in terms of how other languages and cultures have influenced the Circassian language over the

centuries, e.g. there are borrowings from the Iranian, Turkish, and Arabic languages, which were mixed into the original language of the epics. On the basis of these texts, it is possible to analyze the history of the Circassians and their interactions with other groups and regions, as well as to access and to reevaluate the nearly erased systems of knowledge of the Circassians, e.g. their authentic traditional spiritual rites and beliefs.

It is necessary to point out that Circassians still adhere to the ancient traditional ethical-philosophical system which is called *Khabza*. It guides the daily and sacred aspects of life for Circassians, including their judicial and administrative practices, customs and beliefs, as well as the etiquette; it is also easily adaptable to changing social and political conditions. But the core of its philosophy with its humanistic ideals never changes. In the past, *Khabza* had existed alongside the Christianity, which was still widespread in Circassia as far back as the 5th and the 6th centuries. All new words and concepts introduced by the new ideologies were usually assimilated by the *Khabza*, and eventually found their new life in the Circassian perception. All these concepts have left their mark on the language, creating an amazing symbiosis with old concepts and words.

The work done by Hikmet Ber, an ethnic Circassian from Turkey, was the first to describe and analyze the principles of word formation and the sound series in the Circassian language. Not being a linguist by training, he nevertheless was able to grasp the most important principles of the formation of concepts and words and derive logical sound series. It is necessary to continue his work, and look more carefully into the sound system of the Circassian language, in order to identify the sound series that would shed further light on word/concept formation and language structure, revealing erased authentic forms of knowledge and conceptual thinking.